

Он говорил спокойно, но Тан Чжао все больше убеждалась, что он заранее знал о результатах экзаменов.

Однако это было лишь предположение, и, не имея доказательств, она осторожно спросила:

— Я только что сдала осенние экзамены, а весенние уже через несколько месяцев. Не слишком ли рано мне сдавать их в следующем году?

Тан Миндун махнул рукой, не задумываясь:

— Какое там рано? Я ждал этого больше десяти лет.

Десять лет — это очень чувствительный срок, особенно для Тан Чжао, которая переродилась.

Услышав слова Тан Миндуна, Тан Чжао насторожилась и, не сдерживаясь, спросила:

— Больше десяти лет?

Тан Миндун понял, что сказал лишнее, и небрежно отмахнулся:

— Да, больше десяти лет. Твой отец не смог сдать экзамены, и вся наша семья возлагала надежды на тебя. И, как видишь, не зря.

— Понятно, — ответила Тан Чжао, понимая, что лучше не задавать лишних вопросов, чтобы не спугнуть его.

К счастью, Тан Миндун был в хорошем настроении и, несмотря на свою оплошность, не заподозрил Тан Чжао в чем-то. Закончив разговор, он не стал думать об этом и, радостный, раздал слугам награды, и весь дом Тан наполнился весельем.

Когда Тан Чжао вернулась в свой двор, госпожа Сюэ уже знала о новостях и, сияя от радости, взяла ее за руку. Однако, поздравив Тан Чжао, она быстро остыла и, похлопав ее по спине, серьезно сказала:

— Раз ты сдала осенние экзамены, до весенних осталось не так много времени. А Чжао, тебе нужно хорошо подготовиться.

Редко кто так торопился, сразу после осенних экзаменов начиная готовиться к весенним.

Тан Чжао чувствовала, что и Тан Миндун, и госпожа Сюэ были слишком нетерпеливы, и, обращаясь к матери, осторожно спросила:

— Мама, я только что сдала осенние экзамены и заняла последнее место. Не слишком ли рано мне сдавать весенние экзамены через несколько месяцев?

Госпожа Сюэ была гораздо осторожнее Тан Миндуна и, не меняя выражения лица, ответила:

— Ничего страшного. Считай это пробным экзаменом. Если сдашь — хорошо, если нет — подождешь еще три года. К тому же, на осенних экзаменах ты могла бы занять более высокое место, если бы не травма руки. А Чжао, не принижай себя. Готовься хорошо, я слежу за тобой.

После этих слов Тан Чжао почувствовала, как по спине пробежал холодок, словно за ней следили.

Однако слова госпожи Сюэ были безупречны, и Тан Чжао пришлось согласиться, временно отложив свои сомнения.

Весь день прошел в шуме и суете. Слуги дома поздравляли Тан Чжао, и даже кузины, которые раньше насмеялись над ней, теперь стали дружелюбными и приветливыми.

Тан Чжао смотрела на это с усмешкой, но не обращала внимания на этих женщин, явно ничего не понимающих. Вечером, ложась спать, она думала о весенних экзаменах следующего года, но на следующее утро ее разбудил императорский указ.

Не только Тан Чжао, но и весь дом Тан был в замешательстве, ведь они никогда раньше не получали императорских указов. В спешке они установили алтарь и приготовились принять указ.

Евнух, передававший указ, взглянул на Тан Чжао, но без обычной надменности, и, развернув свиток, начал читать. Суть указа была проста: император, признавая талант Тан Чжао, назначил ее главным секретарем в резиденции старшей принцессы Минда.

Когда указ был зачитан, все были в замешательстве, но евнух, улыбаясь, помог Тан Чжао подняться и сказал:

— Поздравляю, господин Тан, теперь вы в резиденции старшей принцессы, и ваше будущее выглядит ярким!

Тан Чжао вспомнила о приглашении, которое она спрятала, и, глядя на указ, не знала, плакать или смеяться. Рядом Тан Миндун тоже встал, незаметно подсунув ей кошелек. Тан Чжао не была новичком и, взяв кошелек, передала его евнуху, спросив:

— Я всего лишь скромный цзюйжэнь. Почему император знает обо мне?

Евнух, будучи хитрым, взял кошелек и, не упоминая Минда, ответил:

— Господин Тан, не беспокойтесь, это ничего плохого. Император случайно увидел вашу экзаменационную работу и, оценив ваш талант, решил сделать это.

Окружающие подумали, что это слишком уж случайно, но Тан Чжао поняла, что это, скорее

всего, дело рук Минда. Только она могла обратить внимание на ее результаты и упомянуть о ней перед императором.

На мгновение Тан Чжао растерялась, не зная, что чувствовать. Взглянув на указ, она поняла, что пути назад нет. После краткого обмена любезностями она проводила евнуха и, держа указ, с недоумением посмотрела на Тан Миндуна и госпожу Сюэ:

— Мама, дядя, это...

Тан Миндун и госпожа Сюэ переглянулись, и на их лицах мелькнуло раздражение от того, что их планы нарушились. Однако это длилось лишь мгновение, и, кроме Тан Чжао, никто этого не заметил. Они тут же заулыбались:

— Это прекрасная новость. Старшая принцесса Минда очень влиятельна в столице, и попасть в ее резиденцию непросто. А Чжао, теперь, когда ты там, тебе не нужно сдавать весенние экзамены.

Тан Чжао сделала вид, что не заметила их реакции, и, как любой молодой человек, не любящий экзамены, улыбнулась. Вокруг снова раздались поздравления, но на этот раз Тан Миндун и госпожа Сюэ быстро ушли.

Минда не знала о приказе заранее. Она считала себя выше принуждения и, отправив приглашение, не стала бы напоминать, если бы Тан Чжао не пришла сама.

Вернувшись из императорского дворца, Минда задумалась. Она все еще чувствовала, что почерк Тан Чжао ей знаком, но не могла вспомнить, где видела его раньше. Лишь вернувшись в свой кабинет и увидев на стене каллиграфию, она внезапно поняла — это был почерк покойного Сун Тина!

Почерк Сун Тина был таким же, как и он сам — резким и острым, с юношеской дерзостью. Он не успел созреть и навсегда потерял эту возможность. А почерк Тан Чжао был более сдержанным, и на первый взгляд отличался от почерка Сун Тина, поэтому Минда не узнала его сразу.

Но дух каллиграфии оставался, и, хотя форма была другой, суть была схожей... Но почему именно Тан Чжао? Кто она такая, и почему снова и снова напоминает о Сун Тине? Совпадение уже не казалось случайным.

Минда погрузилась в размышления, еще не решив, как поступить с Тан Чжао, как узнала о приказе.

Принцесса вздохнула. Не только амбициозные люди видели в ее резиденции путь к карьере, но и сам император. Не каждый талантливый человек подходил для экзаменов, и не каждый мог терпеливо ждать в Академии Ханьлинь. Когда император не хотел терять таких людей, он поручал Минда взять их под свое крыло, а затем рекомендовал их.

В данном случае император явно заметил Тан Чжао и, включив ее в свою резиденцию, мог уже через полгода вывести ее на государственную службу. К тому же, должность главного секретаря в резиденции принцессы была пятого ранга, и после этого Тан Чжао могла рассчитывать на еще более высокий пост.

Для Тан Чжао это был настоящий скачок в карьере.

Для императора это стало прекрасной историей.

<http://bllate.org/book/15453/1370967>